

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Легенда о швейцарском рае. 25. «Наш» Саврасов — любитель швейцарской природы | La légende du paradis suisse. 25. «Notre» Savrasov, l'amateur de la nature suisse

Author: Наталья Беглова, [Женева](#) , 09.07.2021.

А. Саврасов. "Вид в окрестностях Ораниенбаума", 1854 г.

Мы продолжаем публикацию серии очерков российской писательницы и автора Нашей Газеты Натальи Бегловой, посвященных истокам швейцарского мифа.

|

Nous continuons la publication d'une série d'essays de Natalia Beglova, une écrivaine

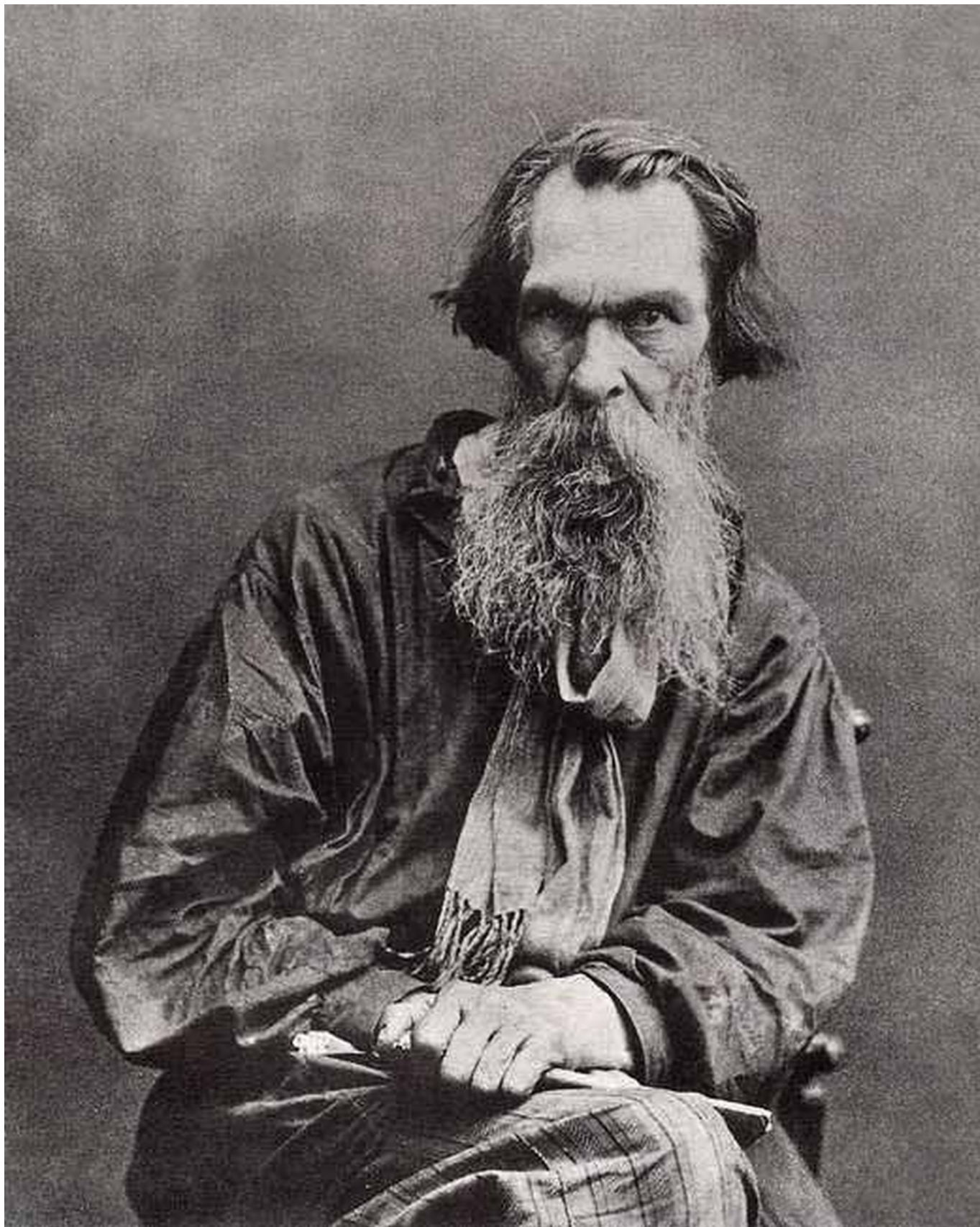
russe et une fidèle auteur de Nasha Gazeta, consacrée aux origines du mythe suisse.

La légende du paradis suisse. 25. «Notre» Savrasov, l'amateur de la nature suisse

Алексей Кондратьевич Саврасов (1830 – 1897), автор знаменитой картины «Грачи прилетели», ещё в студенческие годы подрабатывал копированием работ швейцарского художника [Александра Калама](#) по заказам богатых коллекционеров. Возможно, уже тогда он проникся любовью к альпийской природе и, в отличие от [Ивана Шишкина](#), лелеял мечты увидеть Швейцарию воочию.

Жизнь и карьера Алексея Саврасова складывались весьма необычно. Родился он в семье купца. Естественно, отец хотел, чтобы сын пошёл по его стопам, но мальчик с детства любил рисовать и в 1844 году, вопреки воле родителя, поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Студенческие работы Саврасова привлекли внимание великой княгини Марии Николаевны, дочери Николая I, которая была известным ценителем живописи и возглавляла Императорскую Академию художеств. Она приобрела несколько его полотен, а также предложила ему поработать с натуры в своей загородной резиденции на берегу Финского залива. Созданные им «Вид в окрестностях Ораниенбаума» и «Морской берег в окрестностях Ораниенбаума» отличались таким мастерством, что в 1854 году Саврасов получил за них звание академика. Присвоение этого звания художнику, которому исполнилось лишь 24 года, - случай уникальный!

В 1862 году Алексей Кондратьевич на средства Московского общества любителей художеств отправился за границу. Посетил Англию, Францию и Германию, а затем на два месяца задержался в Швейцарии. Объехав окрестности Женевского озера, художник побывал в некоторых районах Бернского Оберланда, где его увлекли альпийские пейзажи: торжественное величие гор, ослепительная белизна заснеженных вершин и очарование бирюзовых озёр.

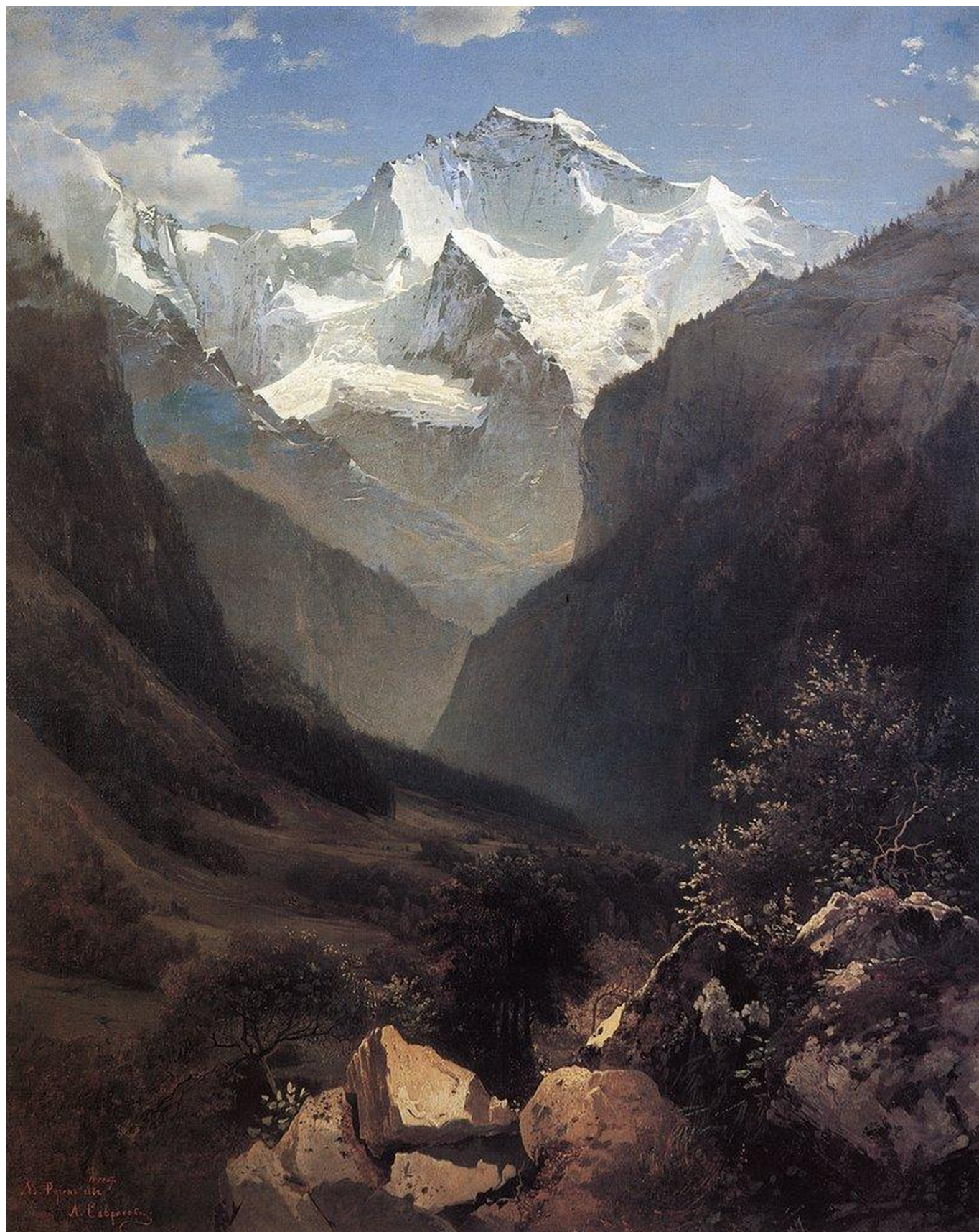
Алексей Саврасов. Последняя прижизненная фотография, 1897 г.

Оказавшись в Женеве, Саврасов посетил мастерскую Калама, единственного художника, которого он «поощрил» в своем критическом отчете о швейцарских пейзажистах, представленном Московскому обществу любителей художеств по возвращении в Россию: «Ландшафты художников... весьма мало передают характер природы Швейцарии, столь богатой разнообразием форм, климата и растительности.

Только произведения Калама представляют совершенно другое. Посетив [его] мастерскую, я убедился, с какой любовью этот художник стремился изучать природу...» Правда, Саврасов тут же выражает сожаление о том, что так «много молодых талантов сделались жертвою подражания этого художника».

В Россию Алексей Кондратьевич вернулся не с пустыми руками: он привёз множество этюдов, на основе которых создал потом прекрасные полотна, в том числе «Вид в Швейцарских Альпах (гора Малый Рухен)», «Швейцарский пейзаж с лошадьми», «Швейцарский вид», «Водопад» и «Озеро в горах Швейцарии». Несмотря на его неодобрительные отзывы о российских пейзажистах, работавших «под Калама», «Озеро в горах Швейцарии» поневоле заставляет вспомнить именно женевского мастера, от влияния которого недавний выпускник Академии освободился в то время ещё не полностью. Впрочем, это неудивительно, ведь творческое становление Саврасова происходило, когда жанр русского пейзажа только формировался, так что найти свой путь было для художника непростой задачей.

Саврасов так увлёкся швейцарскими видами, что даже подвергся критике за «приверженность иностранщине». Но во второй половине 1860-х годов он вернулся к среднерусским пейзажам, создав подлинные шедевры, позволившие с полным основанием называть его основателем российской пейзажной школы. Также Алексей Кондратьевич преуспел в качестве преподавателя Московского училища живописи, ваяния и зодчества, воспитав плеяду замечательных пейзажистов, в числе которых были Исаак Левитан, Константин Коровин, Михаил Нестеров, Лев Каменев и многие другие.

А. Саврасов. Вид в Швейцарских Альпах (гора Малый Рухен)

Много страниц в книге своих воспоминаний посвятил Саврасову Коровин, описав своего учителя как человека «совершенно особой кротости», доброго, умного, который «никогда не сердился и не спорил» и «жил в каком-то другом мире». До нас дошел такой эпизод. Как-то один из учеников спросил у Саврасова: «Вот, говорят, в Швейцарии настоящий пейзаж?» «Да, в Швейцарии я был, - подтвердил Алексей

Кондратьевич, - был и в Италии. Прекрасно. Но кому что. А мне, конечно, в России нравится. В России природа поёт, разнообразие, весна какая, и осень, и зима. Поёт, всё поёт. Только небо прекрасно в Италии. А пейзаж в Швейцарии. А у нас нет разве неба, гор нет?»

Финал жизни Саврасова был печальным. Из-за семейных трагедий он начал злоупотреблять алкоголем, из училища его уволили за прогулы. Последние годы Алексей Кондратьевич зарабатывал на жизнь (а вернее, на водку) рисованием небольших этюдов, которые за гроши продавал перекупщикам. В 1897 году, почти всеми забытый, академик живописи умер в бесплатной больнице для бедных. Среди немногих, провожавших гениального пейзажиста в последний путь, был Исаак Ильич Левитан. Высоко ценивший своего учителя, он писал, что именно Саврасов «создал русский пейзаж, и эта его несомненная заслуга никогда не будет забыта в области русского художества».

Ещё один замечательный пейзажист, Лев Львович Каменев (1834–1886), сегодня мало известен, хотя он тоже был академиком и одним из учредителей Товарищества передвижных выставок. Несколько лет Каменев учился у Саврасова, но остался в его тени. Оба они выросли в небогатых купеческих семьях, оба обнаружили любовь к живописи с детства, оба окончили Московское училище живописи и ваяния.

На средства, выделенные Московским обществом любителей художеств, Лев Львович в 1862 году отправился в заграничную поездку. Дольше всего он прожил в Мюнхене и в Дюссельдорфе, но побывал и в Швейцарии. Летом 1863 года Каменев и Шишкин путешествовали по Бернскому Оберланду: они были давно знакомы и время от времени вместе работали «на натуре». Однако альпийские пейзажи не смогли по-настоящему увлечь Каменева. В одном из писем к Шишкину он сообщал, что недоволен результатом своей работы в Швейцарии и больше не собирается туда возвращаться: «Ну его к чёрту и Оберланд, и всю Швейцарию, она у меня сидит во где! Чтобы писать её, надо родиться швейцарцем или им сделаться, а я и во сне вижу наше русское раздолье с золотой рожью, реками, рощами и русской далью...»

А. Саврасов. Озеро в горах Швейцарии, 1866 г.

Возвратившись в Россию, Каменев пошёл по пути своего учителя и создал замечательные картины, на которых запечатлел очаровательные уголки родной страны. Однако с начала 1870-х годов его картины всё реже появлялись на выставках. Причиной тому стали смерть детей, уход жены и попытки «утопить горе в вине». Как писали в те времена, художник стал «жертвой пагубного пристрастия».

Трогательные воспоминания о Каменеве оставил тот же Константин Коровин. Однажды он похвалил этюды, увиденные у него дома. «Да, этюды ничего, - ответил Лев Львович. - Вот этот, - показал он на стену. - Но они кому же нужны. <...> Пейзаж считается - только швейцарский вид: гора, барашки чтобы были. А разве есть пейзаж в России? Нет. А кто богат, норовят за границу уехать. Там виды настоящие. А у нас нет. У нас скука. Верно говорю я. Не видят красоту-то свою. Не видят, скучают. Вот недавно у Васильчиковых был тут недалеко. Имение прекрасное, какой сад! Так что же? Молодая вышла ко мне. Голова обёрнута полотенцем, бледная, мигрень от скуки.

- Не дождусь, говорит, когда с мужем в Баден-Баден уеду.

А я ей и говорю:

- Что вы, Марья Сергеевна, посмотрите - красота какая, весна. Аллея липовая. Тень от неё какая к реке. А река светлая.

Вдруг она мне:

- Если вы мне ещё будете говорить, то я поссорюсь с вами. Это скука. Тут и дорожек нет настоящих гулять под зонтиком. Тоска».

Поразительно, как слова Каменева перекликаются с размышлениями Саврасова и Шишкина на ту же тему. Всё так: публика готова восхищаться лишь видами Швейцарии, пейзажи России энтузиазма не вызывают. Однако именно эти художники в итоге научили российскую публику ценить не только яркую альпийскую природу, но и более скромную, но не менее прекрасную, русскую.

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/legenda-o-shveycarskom-rae-25-nash-savrasov-ly-ubitel-shveycarskoy-prirody>